

**Путешествие в индийском пространстве и времени.
«Облако-вестник» Калидасы**

Памяти Н. В. Гурова

В контексте изысканий в области миграции населения Индии невольно задаешься вопросом, а каково вообще отношение индийцев к перемещениям в пространстве и времени, какое отражение находит это в индийской литературе, фольклоре? Это огромная тема. В рамках статьи делается лишь один шаг. Анализируется воображаемый маршрут облака, которое направляет с посланием некий полубог (якша) к своей возлюбленной в столицу бога богатства Куберы Алаку. Облако проходит воображаемый путь из Центральной Индии к вершинам Гималаев.

Творчество Калидасы, поэта классической эпохи, изучено достаточно хорошо. Его поэма переведена на русский язык выдающимися мастерами поэтического перевода П. Риттером [Калидаса 1956] и С. Липкиным [Калидаса 1973]. Исследованию творчества Калидасы посвящена монография В.Г. Эрмана [1976]. Ю.М. Алиханова посвятила отдельное исследование полетам в творчестве Калидасы [Алиханова 2008]. Нам известно, что жил и творил Калидаса, вероятно, в эпоху расцвета индийской культуры при династии Гуптов. Айхольская надпись 634 г. уже упоминает его как великого поэта. Калидаса создал ряд всемирно-известных драм («Малявика и Агнимитра», «Узнанная по кольцу Шакунтала», «Мужеством обретенная Урваши»), а также поэм «Родословная Рагху» и «Рождение Кмары», написанных на классическом санскрите. Поэма «Мегхадута», или «Облако-вестник», считается вершиной творчества Калидасы. В ней развиваются некоторые темы, известные по другим произведениям, например, тема описания природы, нашедшая отражение в иногда приписываемой Калидасе ранней поэме «Времена года», а также тема полета героя по небу, разработанная в описании полета Рамы на воздушной колеснице от Ланки до Айодхьи в «Родословной Рагху». В то же время тема полета в направлении Рамагири–Кайласа разработана впервые и весьма подробно, о художественных же достоинствах поэмы исследователями сказано много, ее считают венцом творчества Калидасы, а то и вообще — лучшей малой поэмой на санскрите.

Итак, перед нами небольшая поэма, в которой излагается обращение якши к облаку, содержащее описание маршрута путешествия по Северной Индии, Алаки, столицы мифического царства бога богатства Куберы, и собственно послание влюбленного своей супруге. Литературоведческий анализ поэмы принят в монографии В.Г. Эрмана. Мы же попробуем обратить особое внимание на культурный ландшафт Центральной и Северной Индии, весьма искусно

описанный Калидасой. Это направление исследований получило развитие в западной культурной географии, а недавно нашло выражение в серии исследований О.А. Лавреновой [1998, 2010]. В своем исследовании, посвященном культурному ландшафту в русской поэзии XIX–XX вв., О.А. Лавренова пишет: «В культурном ландшафте литература выполняет функцию сохранения, аккумулируя (в меру своих возможностей) системы устойчивых культурных значений объектов географического пространства. Являясь одним из самых ярких источников вторичной информации при восприятии среды индивидуальным сознанием, литературные произведения, пережившие свое время, несут в себе узор пространственных связей, смыслов, эмоциональных стереотипов и символов, бытовавших в определенной культуре столетия назад» [Лавренова 1998: 21]. Эти идеи Лавренова развивает в своей книге «Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта»: «Осмысление пространства в контексте культуры, изучение семантики культурного ландшафта приводит к новому пониманию его организации, морфологии, выводит на новые возможности моделирования геокультурных взаимодействий. Постановка проблемы семантики культурного ландшафта позволяет выйти на следующий уровень теоретизирования — от моделирования географических образов к прочтению пространственного текста» [Лавренова 2010: 4]. Этим прочтением «пространственного текста» «Мегхадуты» Калидасы мы и попробуем заняться.

Якша, живший некогда в Гималаях, в городе Алака, столице Куберы, был сослан за некий проступок на юг. Он должен был находиться год в месте **былого** изгнания бога-героя Рамы, которое с последним разделили его верная супруга Сита и брат Лакшмана. Эти места, известные как «Рамагири», упоминаются Калидасой. Традиционно они понимаются как некие леса на севере Декана. Вот как они описываются Калидасой: «Приют тенистый среди лесов на Рамагири» [Калидаса 1956: 259]. Путь, который лежит перед облаком, представлял собой несколько весьма благополучных районов империи Гупта, а некогда — независимых царств. Сперва Калидаса достаточно подробно описывает места, лежащие к северу от Рамагири. Это гора Амаркута у восточных отрогов хребта Виндхья, истоки реки Нарбада, страна Дашарна и ее прославленная столица Видиша. Видиша — центр исторической области Бхилса, и река Ветравати (приток Джамны, известный ныне как Бетва) описаны Калидасой со знанием и любовью, и, вероятно, были ему хорошо знакомы. Со знанием дела Калидаса советует облаку отдохнуть с дороги в окрестностях горы Ничайс, где «гроты храня ароматы благовоний, оставшиеся от посещений (куртизанок), повествует о разгульных забавах городской молодежи» (перевод В.Г. Эрмана [Эрман 1976: 120]).

Небезразличен Калидасе, а возможно, и хорошо знаком ему город Удджайини (современный Уджайн), один из священных городов индуизма. В.Г. Эрман так переводит призыв якши к облаку остановиться в Удджайини: «Хотя околным будет этот путь для тебя, направляющегося на север, не уклонись от случая познакомиться с кровлями белоснежных дворцов Удджайини; ибо если

не насладишься ты прелестью очей городских красавиц, в которых, метаящих трепетные взоры, отразятся вспышки твоих молний, — ты, поистине, будешь обделен судьбою» [Там же: 121].

Затем Калидаса описывает реку Нирвиндхья, страну Аванти, славный город Вишала, о правителе которого славном Удаяне повествуют преданья седой старины, реку Шипру и знаменитый храм Шивы Махакала в окрестностях Уджайни. Махакала до сих пор является важной индусской святыней, а современный Уджайн в Мальве — один из немногих городов Центральной Индии, сохранивший почти не пострадавшим от времени и войн свое индусское наследие. Это один из семи признанных святых городов индуизма и один из четырех городов, где празднуется великий праздник «Кумбхамела». Примечательно, что Калидаса описывает храмовый танец баядерок, явление, забытое к XIX в. и почти полностью возрожденное по крупицам благодаря скульптурным изображениям, украшающим храмы, и описаниям памятников литературы, в том числе и «Мегхадуты». Вновь обратимся к переводу В.Г. Эрмана как к наиболее точному: «Там танцовщицы, когда первые капли твоего дождя приятно освещают царапины на их коже, будут бросать на тебя лукавые взгляды, протяжные, как вереницы пчел; пояса их звенят бубенцами в лад движениям танцующих ног, а руки устали помахивать грациозно опухшими из хвостов яков с рукоятками, блистающими драгоценными камнями» [Эрман 1976: 124].

Далее Калидаса описывает прелести замечательной области Мальва, ее реки Гамбхиры, равнин и холмов. Мальва с ее благодатным, а благодаря относительной высоте местности и не слишком жарким климатом до сих пор славится как своеобразный рай, благословенное место в Центральной Индии. Путь облака далее лежит к горе Девагад со знаменитой святыней Сканды на вершине. Это прославленная святыня, и мы замечаем, что от Рамагири через Махакала к Девагад путь облака подобен пути паломника. Упомянутая далее Чарманавати (современный Чамбал) — результат (согласно мифам) щедрого жертвоприношения коров (санскр. «чарман» — шкура). Далее облако-вестник плывет севернее и попадает на «поле Куру», место знаменитой битвы между Кауравами и Пандавами, битвы, описанной в великой эпической поэме «Махабхарата», а сейчас — важный центр паломничества и туризма. Далее путь лежит в Гималаи — к Канаххале, деревне (вероятно, нынешней Ганготри), близ которой священная для индусов река Ганга выходит на равнину. В научно-популярной книге Луи Феррана, посвященной священным местам индуизма, дается следующая картина этих мест: «В Ганготри есть небольшой храм с куполами и портиком с тремя дверными проемами, посвященный богине Ганге и построенный, как и сама деревня, на берегу Бхагиратхи (так называется Ганга от истока до места выхода на равнину). Русло потока разделяется на три маленьких рукава, посвященных соответственно Брахме, Вишну и Шиве, где купаются самые рьяные и смелые паломники. <...> Весь пейзаж производит сильное впечатление: с севера высятся горные склоны, по которым во время муссонов скатываются вниз деревья и валуны, отчего в воздухе стоит страш-

ный грохот, и речка вскипает от падающих обломков. Человек здесь чувствует себя раздавленным величием и всесилием — порой опасным — окружающей природы» [Ферран 2004: 25]. Дальнейший путь облака лежит в Гималаи, где упоминается знаменитая, до сих пор являющаяся предметом поклонения святыня — «вишнупада», отпечаток ног божества, к ущелью Краунча, легендарной горе Кайласа, озеру Манас и, наконец, к сказочной Алаке.

Особую прелесть изложению придает описание красот природы на исходе лета — индийского сезона жары, перед самым началом долгожданного сезона дождей, первым признаком которого и является облако-вестник. Оно несет на север не только послание якши, но и весть о начале муссона.

Изящество и разнообразие образов, созданных в поэме, говорит не только о богатой фантазии автора. Калидаса определенно знаком с достопримечательностями, описанными в маршруте облака-вестника. Возникает вопрос, проходил ли сам Калидаса по этому маршруту. Скорее всего, по крайней мере начальную часть маршрута он мог пройти как придворный поэт, возможно, паломник. Допустим, что и весь маршрут ему знаком не понаслышке. Тогда перед нами некий дневник-описание по воспоминаниям о прошлом, но помещенный в будущее. Но в других произведениях Калидасы мы находим описание южной части Индии и можем предположить, что все-таки оно сделано по каким-то источникам. Конечно, Калидаса не мог не быть знаком с эпическими поэмами «Махабхарата» и «Рамаяна», где рассказывается об отдельных достопримечательностях. Возможно, в распоряжении великого поэта индийского средневековья находились также устные предания и какие-то описания, например древние «тиртха-ятра» — маршруты паломничества.

Можно предположить, что маршрут, описанный в поэме, включающий несколько важнейших индусских святынь, частично совпадает, а может, и повторяет паломнические маршруты, и при анализе этого пути нам могут быть интересны исследования И.П. Глушковой, посвященные индусскому паломничеству. В исследовании «Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры» Глушкова пишет: «Паломничество остается одной из самых ярких примет социально-культурного ландшафта Индии» [Глушкова 2000: 7]. Далее она справедливо замечает: «Классическое — настоящее, полноценное индусское паломничество связано с водой — реками и морями и находящимися на них тиртхами — местами, характеризующимися наибольшей концентрацией сакральной энергии, т.е. сближением земного и небесного» [Там же: 8]. В данном случае своеобразное паломничество по тиртхам предстоит совершить очеловеченному представителю самой водной стихии. В пользу нашего предположения говорит популярность различных пособий по тиртха-ятра с древности до настоящего времени. Та же И.П. Глушкова выяснила, например, что «модель тиртха-ятры со второй половины XX в. успешно применяются современными агентствами путешествий, организующими паломнические туры по хорошо известным маршрутам» [Глушкова 2008: 16]. Анализ описания мест паломничества и их характера дан в работе Я.В. Василькова [1979]. Мы смеем

предположить, что индусские религиозные паломничества, связанные с ними карты паломнических центров, письменные описания и устный фольклор создали ту сакральную картину ландшафта, которая влияла на представление о Бхаратварша (Индии) современников Калидасы и наверняка оказала влияние и на творчество самого Калидасы — великого поэта Индии.

Библиография

Алиханова Ю.М. О полетах у Калидасы // Алиханова Ю.М. Литература и театр древней Индии. Исследования и переводы. М., 2008. С. 63–84.

Васильков Я.В. Эпос и паломничество (о значении «паломнической темы» в «Махабхарате») // Литературы Индии. Статьи и сообщения. М., 1979.

Глушкова И.П. Индийское паломничество (Метафора движения и движение метафоры). М., 2000.

Глушкова И.П. Подвижность и подвижничество. Теория и практика тиртха-ятры. М., 2008.

Калидаса. Избранное. М., 1956.

Калидаса. Избранное. Драммы и поэмы. М., 1973.

Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX века (Геокультурный аспект). М., 1998.

Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. М., 2010.

Ферран Л. Индия мистическая и легендарная. Нижний Новгород, 2004.

Эрман В.Г. Калидаса. М., 1976.

Н. Г. Краснодембская

О факторах пространства и времени в практике культурных заимствований (на примере европейского влияния в быту ланкийцев)

*Посвящается 100-летию со дня рождения
Михаила Константиновича Кудрявцева
(12 января 2011 — 4 марта 1992)*

В истории Шри Ланки период европейских колониальных завоеваний, частично, а затем и полного владычества португальских, голландских и британских правителей длился более четырех столетий (с начала XVI и до середины XX в.). Это был период интенсивного взаимодействия местных и привнесенных традиций в различных областях жизни: социально-политической, хозяйственной, духовной, повседневно-бытовой.

Культура основного населения острова — сингалов — за эти века испытала, несомненно, огромное влияние европейских традиций. Это влияние бывало насильственным и стихийным, приемлемым (или неприемлемым) сознательно или неосознанно. Европейцы, захватывая новые жизненные пространства, стремились внедрить и приспособить к местным условиям свои представле-